

К. В. ИГАЕВА

КРИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА И АНТРОПОЛОГИЯ НАСИЛИЯ

Статья представляет обзор «критических исследований терроризма» (CTS) – междисциплинарного направления, возникшего в 2000-е гг. на стыке философии, политологии, истории с целью проблематизировать природу терроризма и его эволюцию в новейшее время. Отталкиваясь от критической теории и постструктурализма М. Фуко, сторонники CTS анализируют механизмы конструирования границы между государственной политикой террора, колониальными восстаниями и широким спектром явлений «нового терроризма», экотерроризма, кибертерроризма, контртеррористическими и миротворческими операциями. Для понимания этого направления особенно репрезентативной представляется «Антология критических исследований терроризма» (2016). Ее анализ позволяет обозначить перспективы CTS, а также внутренние противоречия и теоретические разногласия их сторонников.

Ключевые слова: критические исследования терроризма, государственный терроризм, экотерроризм, гендерные исследования, антропология насилия

«Критические исследования терроризма» (CTS) – почти не знакомое российскому читателю направление исследований на стыке философии, политологии и истории. Оно сформировалось в 2006 г. вокруг одноименного журнала во главе с директором «Национального центра исследования мира и конфликтов» (Новая Зеландия) Р. Джексоном и лондонским профессором Д. Ганнингом. Основным объектом его критики стали сложившееся в западной историографии и социальных исследованиях противопоставление государственной политики безопасности и совершаемого частными субъектами терроризма, а главное – его дисциплинарное оформление как (псевдо)научной экспертизы, поставленной на службу существующему режиму знания–власти и неоконсервативному дискурсу безопасности. Отталкиваясь от критической теории и постструктурализма М. Фуко, сторонники CTS выступают за проблематизацию границы между государственной политикой контртерроризма, колониальными восстаниями и гетерогенной активностью радикальных групп в современном обществе.

За десять лет существования CTS спектр рассматриваемых его сторонниками тем и их общая библиография значительно выросли¹. Сориентироваться в этом достаточно широком поле позволяет вполне репрезентативная «Антология критических исследований терроризма» (2016),

¹ Critical Terrorism Studies 2009; Discourses and Practices of Terrorism 2010; Jackson, Jarvis, Gunning 2011; Research Methods in Critical Security Studies 2013; Stump, Dixit 2013.

изданная под редакцией Р. Джексона². Две первые ее части посвящены теоретическим проблемам (концептуальной критике дискурса безопасности, его нормативным установкам, гендерным аспектам исследований и т.д.), последующие три – более конкретным социально-культурным сюжетам. Пожалуй, наиболее интересной в историографическом плане представляется глава социолога Л. Стампницки из университета Шеффилда «Возникновение исследований терроризма как дисциплинарного поля», где последовательно доказывается (в основном на американском материале 1960-2000-х гг.), что изобретение и распространение понятия «терроризм» несет дисциплинарную функцию. Этот термин создает иллюзию экспертного знания, тогда как на самом деле на 80–84% о нем пишут случайные авторы, чаще всего рассчитывающие связать свою политическую или журналистскую карьеру с Государственным департаментом. Собственно научное, нейтральное понимание терроризма и его причин на основании исследования первоисточников, а не публицистических откликов в СМИ чаще всего остается за рамками такой поверхностной аналитики, которая выступает «анти-знанием»³. С этой точки зрения, критическая теория позволяет сделать видимой механизмы социального конструирования понятия «терроризм» через историзацию контекста его возникновения, а также деконструкцию либерального или (пост)колониального дискурса безопасности.

С другой стороны, в ряде случаев эта критика «ортодоксальных» исследований терроризма оказывается слишком наивной и неэффективной. Так, профессор Иллинойского университета в Чикаго Т. Шанахан в главе «Определение терроризма» подчеркивает аморфность и субъективность этого термина, не имеющего устойчивого значения. Критерием отнесения к «терроризму» нельзя считать использование насилия, как показывают, например, экотерроризм или кибертерроризм. Терроризм апеллирует скорее к чувствам отвращения, возмущения, стремлению к мести или получению удовлетворения. Поэтому Шанахан склонен ставить на первое место именно эмоциональные факторы: «“Терроризм” – это принципиально неизбирательный вред или угроза причинения вреда членам целевой группы с целью повлиять на их психологическое состояние теми способами, которые могут быть полезны преступникам для продвижения их целей»⁴. Однако такое определение слишком широко и потому вряд ли функционально. Кроме того, на размытость понятия (а соответственно и предмета исследования) указывают и сторонники «ортодоксального» изучения терроризма⁵.

² Routledge Handbook of Critical Terrorism Studies 2016.

³ Stampnitzky 2014.

⁴ Shanahan 2016. P. 239.

⁵ Guelke 2006.

То же самое можно сказать о проблемах классификации, которые в статье «Старый и новый терроризм» рассматривает профессор Мюнхенского университета А. Спенсер. Сторонники использования данных терминов отмечают фундаментальное различие в мотивации участников террористических движений: «старые» террористические группы классифицируются как имеющие преимущественно светские мотивы и рациональные политические причины для насилия (например, «красные бригады» добивались политизации рабочего класса; «фронты национального освобождения» хотели независимости для своих этнических групп и т.д.). Именно поэтому они не хотят использовать чрезмерное и неизбирательное насилие, которое снижает легитимность их требований и отчуждает от них сторонников. Тогда как «новый» терроризм, якобы, мотивирован преимущественно религией и испытывает недостаток внятных политических лозунгов, а потому легко использует неизбирательное насилие. «Старый» терроризм построен как пирамида во главе с лидером, который централизованно принимает решения. «Новый» терроризм организован по сетевому принципу и не всегда обладает жесткой структурой. Однако справедливый критический пафос А. Спенсера в отношении условности и ограниченности такого бинарного противопоставления оказывается излишне очевидным и не предполагает альтернативной классификации.

В этом контексте уместно согласиться с одним из самых продуктивных авторов CTS, профессором университета Восточной Англии Л. Джарвисом, который в главе «Критические исследования терроризма после событий 9/11» отмечает несколько проблем развития данного направления, в том числе неадекватность тезиса о радикальном разрыве с «ортодоксальным» дискурсом безопасности. Их общими чертами оказываются презентизм, узость исторической ретроспективы, конструктивистский поход и нехватка эмпирического материала. В них отсутствуют голоса как (мнимых или реальных) террористов, так и рядовых борцов миротворческих сил. Без обращения к этим голосам не будут понятны механизмы работы пропаганды и практики ее интернализации⁶. Кроме того, Джарвис отмечает нехватку оригинальности, внутреннюю раздробленность, сомнительность ангажированности CTS и их общего взгляда на террор как преимущественно политическое явление.

С этой критикой можно во многом согласиться, прочитав эмпирическую часть исследований, собранных в антологии. Даже наиболее сильные ее главы представляются излишне пафосными в политическом плане, но не слишком оригинальными по содержанию. Так, например, «Пытаясь понять западный государственный терроризм» профессор политологии и международных отношений Университета Шеффилда

⁶ Подробнее об этом см.: Sluka 2008.

Р. Блэкли и С. Рафаэля из Вестминстерского университета рассматривает современную политику США на Ближнем Востоке как «государственный терроризм» (использующий произвольное задержание, похищение и пытки), лишь тактически и незначительно отличающийся от действий их противников-фундаменталистов. Спецификой ситуации здесь выступает лишь то, что такая (террористическая) внешняя политика легко сочетается с внутриполитической демократией и декларативным соблюдением прав человека. Л. Калхун поднимает еще одну проблему, относящуюся к «государственному терроризму», – полемику вокруг использования беспилотных летательных аппаратов, позволяющих убивать на огромных расстояниях в режиме «компьютерной игры», что не всегда ведет к точности действий, в ряде случаев вызывая массовое уничтожение мирного населения. Профессор антропологии университета Бригама Янга Дж. Соренсон в главе «Экотерроризм и экспансионистский контртерроризм» поднимает проблему конструирования рамок «Свой / Чужой», используемых государством и корпорациями для давления на общественное мнение: используя термин «экотерроризм», промышленники сравнивают защиту животных и окружающей среды с исламистским терроризмом, хотя между ними нет никаких связей.

Выводы такого рода оказываются легко прогнозируемыми. Поэтому они вряд ли способны изменить расстановку сил в академическом сообществе (не говоря об общественном мнении, на что CTS тоже косвенно претендуют). Отметим также внутреннюю противоречивость позиции их сторонников, одна часть которых выступает за деполитизацию дискурса безопасности, другая – за смену вектора этой политизации с неоконсервативного на леволиберальный. Ключевым, хотя и не называемым напрямую аргументом выступает при этом моральный фактор, апелляция к «общечеловеческим ценностям» без аналитики их исторической трансформации в эпоху модерна. Ряд важных вопросов оказывается полностью за рамками анализа CTS, – это развитие военной индустрии и технологий, рост частных военных компаний, проблемы военной антропологии и антропологии насилия в целом.

Последний ракурс представляется наиболее важным для понимания перспектив «критических исследований терроризма». Ключевым вопросом, который они затрагивают, является, на наш взгляд, изменение механизмов конструирования субъективности в современном обществе: рост мультикультурализма и безличности доступа к общественным благам одновременно провоцирует усиление неоконсервативной политики идентичности, в последнее время получающей государственную поддержку в самых разных странах. Именно в этой связи оказывается востребован тиражируемый образ террориста как религиозного фанатика – радикального Другого по отношению к господствующей (относительно) либеральной и светской самоидентификации. И дисциплиниру-

ющая экспертиза в рамках дискурса безопасности оказывается лишь легитимацией такого двустороннего конструирования ориентализма / окцидентализма, в основе которого лежит взаимное насилие и отказ от идеи универсальности в пользу частных (корпоративных) интересов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Critical Terrorism Studies A New Research Agenda / ed. R. Jackson, M.B. Smyth, J. Gunning. L., N.Y.: Routledge, 2009. 289 p.
- Discourses and Practices of Terrorism: Interrogating Terror / ed. B. Brecher, M. Devenney, A. Winter. L., N.Y.: Routledge, 2010. 208 p.
- Guelke A. Terrorism and Global Disorder. Political Violence in the Contemporary World. L., N.Y.: Tauris & Co Ltd., 2006. 297 p.
- Jackson R., Jarvis L., Gunning J. Terrorism: A Critical Introduction. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 304 p.
- Research Methods in Critical Security Studies / ed. M.B. Salter, C.E. Mutlu. L., N.Y.: Routledge, 2013. 257 p.
- Routledge Handbook of Critical Terrorism Studies / ed. R. Jackson. N.Y.: Routledge, 2016. 660 p.
- Shanahan T. The Definition of Terrorism // Routledge Handbook of Critical Terrorism Studies. N.Y.: Routledge, 2016. P. 223-246.
- Sluka J. Terrorism and Taboo: An Anthropological Perspective on Political Violence against Civilians // Critical Studies on Terrorism. 2008. Vol. 1. No. 2. P. 167–183.
- Stampnitzky L. Disciplining Terror: How Experts Invented 'Terrorism'. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 246 p.
- Stump J., Dixit P. Critical Terrorism Studies: An Introduction to Research Methods. N.Y.: Routledge, 2013. 208 p.

Ksenia Igaeva, postgraduate student, Department of World History, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; igaeva.ksenia@yandex.ru

Critical Terrorism Studies and Anthropology of Violence

The article provides an overview of the "critical terrorism studies" (CTS), an interdisciplinary field of research that was formed in the 2000s. at the intersection of philosophy, political science, and history. The goal of its followers is to problematize the nature of terrorism and its evolution in the XX c. Starting from the critical theory and poststructuralism of Michel Foucault, CTS analyze the mechanisms for constructing the border between the state policy of terror, colonial uprisings, as well as a wide range of "new terrorism" phenomena, ecoterrorism, cyberterrorism, counterterrorism and peacekeeping operations. Especially representative for understanding this new line of research is the "Routledge Handbook of Critical Terrorism Studies" (ed. R. Jackson, 2016). Its analysis allows us to outline the prospects of CTS, as well as the internal contradictions and theoretical differences of its supporters.

Keywords: critical terrorism studies, state terrorism, ecoterrorism, gender studies, "old" and "new" terrorism, anthropology of violence

Ksenia Igaeva, postgraduate student, Department of World History, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; igaeva.ksenia@yandex.ru